

О.С. Лукьянчикова

ТВОРЕЦ И ТВОРЧЕСТВО В ПОЭЗИИ ЛИДИИ ШЕЛЕСТ

Рассматриваются особенности реализации темы поэтического творчества в художественном пространстве Лидии Шелест. В ходе исследования обозначается, что на протяжении своего большого творческого пути, длившегося почти шесть десятилетий, Шелест пыталась дать ответы на вопросы: что такое истинная поэзия, как постигнуть вдохновение и каким должен быть подлинный художник слова. Отмечается, что Шелест «убирает» условную границу, которая в поэзии традиционно разделяет лирического героя и автора. Так, главным лирическим героем становится она сама, что иллюзорно помогает стереть черту между жизнью и искусством. Определено, что лирика Шелест данной тематики носит личностный характер, но демонстрирует традиционные мотивы. Анализируемые тексты впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Лидия Шелест, творец, творчество, лирика

Проблема творца и творчества, соотношения искусства и жизни, ставшая одной из ключевых в культуре XX века, нашла отражение в искусстве, литературе, философии. Размышлениями о природе творчества занимались отечественные учёные: В.Соловьев, Б.Вышеславцев, М.Бахтин, Л.Шестов, С.Франк и другие. Богослов и философ С.Булгаков рассматривал творческий процесс человека, созданного по образу и подобию Божьему, как важную категорию воплощения. По его мнению, творчество выступает как «воплощение идеального в реальном, духа в материи, неба в земле, в человеческой жизни и искусстве...» [1, с. 71].

В западной неклассической философии выдвигались теории, в которых наблюдалось понимание творчества вне божественного начала. Приверженцы этого направления связывали творчество «с жизненным порывом, бытием самого человека и его сознанием» [2, с. 48]. И в этом смысле интересной представляется идея А.Бергсона, который, во-первых, отождествлял творческий процесс с бесконечностью, а, во-вторых, утверждал спонтанность и непредзаданность, которые обеспечивают полную свободу творения и отсутствие в нём рамок и клише [3, с. 293].

Совершенно особое место феномен жизнетворчества занимал в отечественной поэзии первых десятилетий XX века, унаследовавшей философские идеи Ф.Ницше, О.Уайльда. Постановку актуальных вопросов времени можно обнаружить не только в программных манифестах, но и в художественных пространствах поэтов. Тернистый путь эстетического поиска изображают: Н.Гумилёв («Я угрюмый и упрямый зодчий / Храма, восстающего во мгле») [4, с. 339], А.Ахматова («Когда б вы знали из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда») [5, с. 277], В.Брюсов («Тень несозданных созданий / Колыхается во сне») [6, с. 21], К.Бальмонт («Рождается внезапная строка, / За ней встает немедленно другая») [7, с. 201], О.Мандельштам («Он ждёт сокровенного знака / На песнь, как на подвиг готов») [8, с. 56].

По справедливому замечанию исследователя Л.Бельской: «Все они верили в высокое назначение поэзии, особую духовность, бессмертие поэтического слова. Как рождается вдохновение, каким должен быть поэт, как он ощущает себя среди людей, в чём ценность его поэзии — эти размышления рождали почти дословные переключки между поэтами...» [9, с. 10].

Не остались в стороне от осмысления темы творчества региональные авторы, в том числе и поэты Курского края. Так, например, размышления о значимости художественного слова можно найти у А.Алехина («Пусть, как набат, стучит в сердцах мой стих») [10, с. 278]; рассуждения о судьбе поэта носили исповедальный характер в лирике Н.Корнеева («Хочу, чтоб нынешний мой стих дошел <...> / Хотя б до правнуков моих...») [10, с. 413]. П.Карпов был убежден «в сакральной миссии поэта, в том, что “поэт-песнопевец должен быть подвижником, страстотерпцем», <...> особым — вещим, пророческим светом горят песни только тогда, когда они проходят через горнило жизненных мук” (П.Карпов)» [11, с. 183].

Размышления о творческом ремесле и роли в нём художника слова нашли отражение и в лирике курской поэтессы Лидии Шелест — псевдоним Лидии Анатольевны Соловьёвой (1901—1986). Она родилась в семье учителя Анатолия Ивановича Соловьёва, уроженца города Обояни Курской губернии. Свои первые стихи она написала в восьмилетнем возрасте. Однако серьёзный творческий дебют Лидии Шелест можно отнести лишь к 1927 г. Тогда её стихи для детей и поэма «Анна Крагина» были напечатаны в газете «Воронежская коммуна». За следующее десятилетие Шелест получила богатый журналистский опыт, публикуясь в уральских изданиях (газеты «Челябинский рабочий», «Пролетарская мысль», журнал «Мартен»). Кроме того, Шелест успешно работала в Архангельске — газеты «Правда Севера», «Моряк Севера», «Северный комсомолец», а в Туруханске — была уже ответственным секретарём краевой газеты Туруханского края. В довоенные годы Шелест находилась в центре культурной жизни Курска, писала литературные и театральные рецензии для «Курской правды», публиковала свои стихи о природе, любви и творчестве в коллективных сборниках поэтов-курян. Сразу после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков она продолжила работу в газете, где печатались не только публицистические материалы Шелест, но и её многочисленные стихи. Важным событием в творчестве Шелест послевоенных лет можно считать публикацию отдельными сборниками ее очерков

«Куряне-герои Великой Отечественной войны» (1946) и «Хозяйка колхозных полей» (1948). Непросто складывалась творческая биография Шелест: были активная деятельность и признание, был период, когда «на долгое время её имя оказалось практически вычеркнутым из литературной жизни Курского края» [12, с. 89]. Связано это с тем, что муж поэтессы, журналист и писатель Борис Платонович Юркевич (псевдоним — Борис Башилов), оказавшийся в годы Великой Отечественной войны в плену, а потом проживавший в Аргентине, в своих книгах осуждал коммунистический режим. Когда об этом стало известно в СССР, на творчество Шелест был наложен запрет, стихи приходилось писать в ящик стола, ей трудно было смириться с тем, что ее перестали печатать:

Такой судьбы, такой печали
Не пожелаешь и врагу.
Стихи к душе моей причалют —
Остановить их не могу! [13, с. 266].

Осознание Шелест причастности к миру творчества было для неё спасительным, поэзия делала ее счастливой, о чём поэтесса сама неоднократно упоминала: «Стихи — души моей причал» «радость и печаль», «горе и отрада» [13, с. 260], Поэтический труд — это то, что согревало и поддерживало Шелест, заменяло материальные блага:

Нету денег? Ну и ладно!
Зачини карандаши,
А слова берут бесплатно
Из распахнутой души! [13, с. 261].

На протяжении своего большого творческого пути, длившегося почти шесть десятилетий, Шелест пыталась дать ответы на вопросы: что такое истинная поэзия, как постигнуть вдохновение и каким должен быть подлинный художник слова... Тематическим стихотворениям Шелест, которых более 40, «ещё только предстоит стать известными современному читателю и найти ценностное отражение в литературоведении» [14, с. 157]. Анализируемые в данной работе тексты произведений Шелест впервые вводятся в научный оборот.

Необходимо подчеркнуть, что в своем творчестве Лидия Шелест чаще всего убирает условную границу, которая в поэзии традиционно разделяет лирического героя и автора. Так, главным лирическим героем становится она сама, что иллюзорно помогает стереть черту между жизнью и искусством. Кроме того, соотношение биографии Шелест с её стихотворениями позволяет нам судить о фактическом содержании последних.

Так, в стихотворении Лидии Шелест «Дамоклов меч» раскрывается сущность поэтического творения. Название, вызывающее аллюзию на одноимённый древнегреческий миф, символично ещё и потому, что большинство людей, подобно Дамоклу, севшему на трон Тирана, считает, что доля поэта легка. Но этот благородный труд, по мнению Шелест, требует больших душевных сил. Совершая открытия, поэт делится ими с другими людьми, делает все возможное, напрягает все душевные силы, чтобы быть понятым:

Бывает так, ты написал стихи,
Прочёл их другу, матери, невесте
Как будто бы звучат и не плохи.
Прочёл ещё — порадовались вместе [13, с. 258].

Однако радостное настроение и некоторая успокоенность, удовлетворённость творца своей работой быстро сменяется очередными поэтическими терзаниями:

Труд награждён вниманьем, ну а ты
Свой карандаш глазами ищешь,
И вновь стихи черкать до темноты [13, с. 258].

В большинстве поэтических произведений («Источник чистых вдохновенных сил...», «Рождение стиха», «Творчество» и другие) Шелест не только привносит автобиографические элементы сюжетно-событийного свойства, но и передает эволюцию собственных духовных поисков. В данном случае неудовлетворённость творческой работой автор сравнивает с дамокловым мечом, который вновь и вновь не даёт автору покоя:

И говорить: «Я не поэт, я нищий.
Я выклянчил напрасно похвалу».
И над тобою снова меч Дамокла [13, с. 258].

Несмотря на то, что состояние переживаний и постоянных поисков настолько привычно для поэта, главный символ своеобразного наказания — дамоклов меч пугает художника слова и заставляет интенсивно работать: «Меч, голубея, острием грозит / За каждое найденное слово» [13, с. 258]. Подчёркивая бесконечность процесса совершенствования поэтического текста, автор завершает стихотворение следующими строками: «Оно твое, оно уже вблизи... / Меч беспощаден, ты черкаешь снова» [13, с. 258].

Это далеко не единственный текст Шелест, в котором передано, как приливы вдохновения порой сменяются апатией и неуверенностью в своих творческих силах: «Вновь ночь без сна, да не одна, а много, / Вновь пишешь ты, но все не набело» [13, с. 253] или: «Проходит месяц, вновь прочтешь их — скверно. / Нет, нет, Я так оставить не могу» [13, с. 253], — отмечает поэтесса. Не раз она обращает внимание на изъяны своих произведений, например, такие как тяжеловесность рифм («Да разве это рифмы?» [13, с. 253]), сравнивая их с каменными рифмами, которые придают стихотворению громоздкость.

Шелест описывает своеобразный круг, который проходит каждый поэт. Она убеждает читателя, что всякий художник слова испытывает подъёмы и падения, когда, завершая своё произведение, возвращается к его доработке вновь и вновь. И так происходит с каждым новым стихотворением, пока оно не будет доведено до совершенства. Шелест подчёркивает, что её стихи рождаются не сразу, а постепенно: «Ты ищешь их, как жемчуг в океане» [13, с. 253].

Приход вдохновения у Шелест чаще всего соотносится с ночным временем и сном. Отметим, что о творчестве, как о подсознательном состоянии полусна, отзывались: В.Брюсов («Полусонно чертят звуки / В звонко звучной тишине») [15, с. 38], А.Ахматова («Ночью Муза слетит утешать») [5, с. 2], З. Гиппиус («Я — раб моих таинственных, / Необычайных снов») [16, с. 43]. У Шелест: «Источник чистых вдохновенных сил / Живёт и бьётся в полночи бессонной» [13, с. 251] или: «Все спят давно, а ты в бессонной дреме / Нашёл вдруг, словно то, что обронил» [13, с. 252]. Тогда она берёт карандаш и записывает на конверте или на газете фразу, «Чтоб уберечь бесценное добро» [13, с. 252]. Эти своеобразные ночные открытия для автора очень дороги, так как, пока она не подберет нужных слов, покоя ей не достичь. Описание подобных ситуаций можно встретить и в биографических данных Шелест. «Стихи она писала постоянно. Топит печь и тут же на спичечной коробке что-то записывает. Ночью вскакивает, протягивает руку к тетради» [17, с. 3], — вспоминает внук поэтессы Л.Н.Резцов.

Таким образом, для Шелест творческий процесс сопровождается вполне реальными физическими усилиями, несмотря на то, что происхождение природы творчества она соотносит с внеземными стихиями: «Где тот источник, что водой лазурной / Незримо вдохновенье омывает?» [13, с. 249] и высоким чувством: «Так, может быть, источник тот — любовь?» [13, с. 249]

Говоря о главном деле своей жизни в стихотворении «Творчество» (заметим, что стихотворения с аналогичным названием были у А.Аматовой и В.Брюсова), Шелест отмечает: «Покоя нет ни днём тебе, ни ночью, / Покоя нет ни летом, ни зимой!» [13, с. 252]. Автор трижды использует лексический повтор слова «покой», в итоге завершает лирическое произведение риторическим вопросом: «А в самом деле, нужен ли покой?» Ответом на него, скорее всего, станет невольное вспомнившееся блоковское: «И вечный бой, покой нам только снится» [18, с. 321]. Для поэта, находящегося в творческом поиске, покой — это противоестественное состояние. Кстати, писать стихотворения, несмотря на запрет, Шелест будет до конца своей жизни. Но большинство поэтических текстов автора будет опубликовано уже после его смерти.

Важное место в стихотворениях Шелест о творчестве занимают размышления о роли художника слова в обществе. «Коль поэт, то многое ты смеешь. / Крикни так, чтоб дрогнула гора!» [13, с. 258], — именно так автор обозначает своё видение поэтической роли. Она подчёркивает, что истинными художниками слова руководит идея нравственного служения обществу:

Нам, поэтам, нужно много:
Солнце дружбы, шорох звёзд,
Надо сердце песней трогать —
Для того мы и живём! [13, с. 263]

Лидия Шелест вслед за А.Ахматовой («Подслушать у музыки что-то / И выдать шутя за своё», «А после подслушать у леса, / У сосен, молчаливца на вид» [5, с. 329]) и В.Брюсовым («Все звуки жизни и природы / Я облекать в размер привык» [6, с. 388]) была убеждена в том, что поэт призван вглядываться и вслушиваться в окружающий мир. Шелест предъявляет высокие требования к миссии поэта и остерегает своих коллег и себя, в частности, от создания незрелых, бездушных и безжизненных стихов. Именно об этом её стихотворение «Спокойствие перечеркни», которое воспринимается как своеобразный завет коллегам: «Пусть много лет прошло с тех пор, / Писать спокойно ты не смей» [13, с. 259] и «Спокойствие перечеркни, / Словам дай сердца трепетанье» [13, с. 259]. Этот несколько назидательный тон текстов Шелест созвучен стихотворениям Н.Гумилёва, писавшего: «Твой стих не должен ни порхать, ни биться», «Пусть будет стих твой гибок, но упруг» [4, с. 404] .

Стихи Шелест, созданные в последнее десятилетие её жизни, полны тревоги и печали о том, что начатые поэтические произведения не будут завершены и никогда не попадут к людям: «Мне жаль ещё не конченных стихов / В них без меня никто не разберётся» [13, с. 265]. При этом, автора беспокоит не приближение смерти как таковой: «Ну а страшное в том, что Стихов не писать» [13, с. 265]. Так же как Анна Ахматова, написавшая строки: «Дай Бог окончить жизнь стихом» [4, с. 138], Шелест хотела продолжать работу до последней минуты своей жизни. Она мечтала, что стихотворения и после её смерти, будут «трогать» душу людей:

Мне было б легче, если б знала,
Что на могиле как трава

Пробьются робко и устало
Дождём забитые слова
и
Стихи когда-нибудь найдут
И скажут: «Мёртвая, а дышит» [9, с. 266].

Итак, подводя итоги, следует сказать, что в лирике Шелест размышления о творце и творчестве практически утрачивают абстрактный характер, так как в них преобладает личностный аспект. При этом стихотворения Шелест, посвящённые поэзии и поэтическому труду, в некоторой степени созвучны лирике современников её века: А.Ахматовой, Н.Гумилева, К.Бальмонта, З.Гиппиус и других. Художественное пространство Шелест наполнено традиционными для данной тематики устойчивыми смысловыми элементами: сложные поиски источников вдохновения, бесконечность совершенствования поэтического текста, размышления о роли художника слова в обществе, а также судьбе своего творческого наследия.

1. Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. М.: Наука, 1990. 412 с.
2. Дрозд А.Н. Определение творчества в неклассической философии XX века // Актуальные проблемы социокультурных исследований. Межрегиональный сборник научных статей / Кемеровский государственный университет культуры и искусств. Кемерово: КемГУКИ, 2009. Вып. 5. С. 48-52.
3. Бергсон А. *Творческая эволюция. Материя и память*. М.: Харвест, 1999. 1408 с.
4. Гумилев Н. *Стихотворения и поэмы*. М.: Современник, 1989. С. 338, 404.
5. Ахматова А. *Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1*. М.: Правда, 1989. С. 2, 138, 227, 329.
6. Брюсов В. *Стихотворения. Лирические поэмы*. М.: Московский рабочий, 1979. С. 21, 388.
7. Бальмонт К. *Стихотворения*. М.: Художественная литература, 1990. С. 201.
8. Мандельштам О. *Стихотворения*. Смоленск: Русич, 2005. С. 56.
9. Бельская Л.Л. Поэты Серебряного века о своём творчестве // Русская речь, серия «Язык художественной литературы», 2015. № 4. С. 10-17.
10. Связь времен. Поэтическое слово земли Курской / Под общей ред. В.А.Ачкасова. Курск: Издательство Курского государственного педагогического университета, 2002. С. 278, 413.
11. Михайлова И.П. «Сколько в нем оттенков и печали...» (о семантике сада в курских текстах первой трети XX века) // Семантика сада и леса в русской литературе и фольклоре: сборник научных статей / Отв. ред. А.И.Смирнова, И.Н.Райкова. М.: МГПУ, 2017. С. 178-186.
12. Лукьянчикова О.С. «Счастлив тот, кто улыбку пронести через будни сумеет»: творческий портрет Лидии Шелест // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология, 2017. № 3. С. 84-91.
13. Шелест Л.А. Прислушайся к сердцу...: стихотворения, поэмы. Курск: Л.Н.Резцов, 2012. 543 с.
14. Михайлова И.П. Крестьянский мир в творчестве Леонида Чемисова // Ученые записки Орловского государственного университета, серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. Орёл: Орловский государственный университет, 2019. № 4(85). С. 156-160.
15. Брюсов В.Я. *Избранные сочинения*. М.: Художественная литература, 1989. С. 38.
16. Гиппиус З. *Стихотворения. Живые лица*. М.: Художественная литература, 1991. С. 43.
17. Тутенко В.А. В Аргентине — не забыли... // Курская правда, 2009. 14 октября. С. 3.
18. Блок А. *Стихотворения и поэмы*. М.: Московский рабочий, 1973. С. 321.

References

1. Bulgakov S.N. *Filosofiya khozyaystva* [Economy philosophy]. Moscow, 1990. 412 p.
2. Drozd A.N. *Opredelenie tvorchestva v neklassicheskoy filosofii XX veka* [Definition of creativity in non-classical philosophy of the 20th century]. Coll. of papers "Aktual'nye problemy sotsiokul'turnykh issledovaniy". Kemerovo, 2009, iss. 5, pp. 48-52.
3. Bergson A. *Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat'* [Creative evolution. Matter and memory]. Moscow, 1999. 1408 p.
4. Gumilev N. *Stikhotvoreniya i poetry* [Verses and poems]. Moscow, 1989, pp. 338, 404.
5. Akhmatova A. *Works in 2 vols, vol. 1*. Moscow, 1989, pp. 2, 138, 227, 329.
6. Bryusov V. *Stikhotvoreniya. Liricheskie poetry* [Verses and poems]. Moscow, 1979, pp. 21, 388.
7. Bal'mont K. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow, 1990, p. 201.
8. Mandel'shtam O. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Smolensk, 2005, p. 56.
9. Bel'skaya L.L. *Poety Serebryanogo veka o svoem tvorchestve* [Poets of the Silver Age about their work]. *Russkaya rech'*, seriya "Yazyk khudozhestvennoy literatury", 2015, no. 4, pp. 10-17.
10. Achkasov V.A., ed. *Svyaz' vremen. Poeticheskoe slovo zemli Kurskoy* [Link of times. Poetic word of the Kursk land]. Kursk, 2002, pp. 278, 413.
11. Mikhaylova I.P. "Skol'ko v nem ottenkov i pechali..." (o semantike sada v kurskikh tekstakh pervoy trety XX veka) ["How many shades and sadness there are in it..." (on the semantics of the garden in the Kursk texts of the first third of the twentieth century)]. In: Smirnova A.I., Raykova I.N., eds. Coll. of papers "Semantika sada i lesa v russkoy literature i fol'klore". Moscow, 2017, pp. 178-186.
12. Luk'yanchikova O.S. "Schastliv tot, kto улыбку пронести через будни сумеет": tvorcheskyy portret Lidii Shelest ["Happy is the one who can bring a smile through everyday life": a creative portrait of Lydia Shelest]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, Seriya: *Russkaya filologiya*, 2017, no. 3, pp. 84-91.
13. Shelest L.A. *Prislushaysya k serdsu...: stikhotvoreniya, poetry* [Listen to your heart ...: verses and poems]. Kursk, 2012. 543 p.
14. Mikhaylova I.P. *Krest'yanskiy mir v tvorchestve Leonida Chemisova* [The peasant world in the work of Leonid Chemisov]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriya "Gumanitarnye i sotsial'nye nauki": nauchnyy zhurnal, 2019, no. 4(85), pp. 156-160.
15. Bryusov V.Ya. *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow, 1989, p. 38.
16. Gippius Z. *Stikhotvoreniya. Zhivye litsa* [Poems. Living faces]. Moscow, 1991, p. 43.
17. Tutenko V.A. *V Argentine — ne zabyli...* [In Argentina — have not forgotten]. *Kurskaya Pravda*, 2009, 14 oktyabrya, p. 3.
18. Blok A. *Stikhotvoreniya i poetry* [Verses and poems]. Moscow, 1973, p. 321.

Lukyanchikova O.S. The artist and art in Lidia Shelest's poetry. The article deals with implementation of poetic art in Lidia Shelest's artistic space. In this study, we recognise that during her long career as an artist; lasting almost 60 years, Lidia Shelest had tried to answer a variety of questions. What is true poetry? From where and how to source inspiration? What should a true artist of a word be? Interestingly, Lidia Shelest 'erases' a so-called border that traditionally pushes the author and their protagonist apart. That's how Lidia Shelest became her own lyrical character subtly blurring the line between art and life. We can say for sure that Lidia Shelest's poetry has the nature of something personal to the author and demonstrates gradual changes of traditional motives. It must be noted that this article is the first instance when the referenced texts have become part of scientific research.

Keywords: Lydia Shelest, artist and art, verses.

Сведения об авторе. Оксана Сергеевна Лукьянчикова — аспирант кафедры литературы филологического факультета Курского государственного университета (10.01.01); ORCID: 0000-0003-2919-9255; oxana.annenckowa@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.08.2020. Принята к публикации 30.08.2020.